

Алексей Мошин

Неразлучники

Алексей Мошин

Неразлучники

«Public Domain»

1905

Мошин А. Н.

Неразлучники / А. Н. Мошин — «Public Domain», 1905

«Они гуляли каждый день, в один и тот же час, под руку, по главной Московской улице. Он вёл её любовно, осторожно, сияя улыбкой, полной достоинства, и сознания своего счастья и превосходства над гулявшими другими людьми, которые не умели быть счастливыми...»

Алексей Николаевич Мошин

Неразлучники

В губернском городе Ронске все их знали:

– Неразлучники!

Так прозвали Речновых, почтмейстера и его жену.

Они гуляли каждый день, в один и тот же час, под руку, по главной Московской улице. Он вёл её любовно, осторожно, сияя улыбкой, полной достоинства, и сознания своего счастья и превосходства над гулявшими другими людьми, которые не умели быть счастливыми.

Она, супруга почтмейстера, прижималась к мужу, склонив головку к его плечу, и, прищурив немножко глаза, смотрела на всех не то покровительственно, не то иронически, – и в то же время на её губах неизменно была чуть заметная улыбка существа довольного собою и счастливого.

Эта парочка была немолодых лет: ему под шестьдесят, а ей под пятьдесят. Оба они казались гораздо моложе: он, потому что брил бороду и красил усы, она – потому что была вообще моложава, а в частности – тайком прибегала к хорошим косметикам, но только чуть-чуть, чтобы совсем даже не было заметно. Они это делали для того, чтобы нравиться друг другу, и чтобы каждому из них было приятнее на самого себя посмотреть лишний раз в зеркало.

У них были дети: дочь, замужем за военным капельмейстером, имевшая в течении семи лет супружества восемь детей, и сын, молодой человек, лет двадцати пяти, женатый, но расставшийся с женой, которая ушла от него с адвокатом. Сын почтмейстера также был прежде на почтовой службе, но когда жена ушла, он запил, опустился до «золотой роты» – и потерял службу. Родители извлекли его из этого состояния, вырезвили, нарядили, и он жил у них скромным и порядочным человеком, но без дела; отец приискивал для него новую службу.

Мне привелось познакомиться с семьёю почтмейстера Александра Сергеевича Речнова. Несколько раз, когда Речнов видел меня на почте получающим корреспонденцию – он звал к себе, – «на стакан кофе», – и нельзя было отказать от любезного приглашения этого милого человека. Супруга Речнова, Дарья Ильинична, радушно усаживала меня за стол, накрытый свежей узорчатой скатертью, на которой красовались великолепные китайские чашки и ярко начищенный кофейник, и сама наливала вкусного кофе со сливками. При этом Александр Сергеевич спешил похвастать, что кофе – это почти единственная хозяйственная забота его жены – от остальных он её избавил: сам ходит на базар за провизией, в лавки за закусками и всякими покупками, сам присматривает на кухне, и так – с первого дня их свадьбы. Впрочем, есть ещё у Дарьи Ильиничны заботы: Речнов указывал на цветы в глиняных банках и на подвешенные к окнам красивые клетки с канарейками; жёлтенькие птички прыгали с жёрдочки на жёрдочку, пили из стаканчика в углу клетки воду и клевали семя; иное семечко, по неосторожности птички, вылетало из клетки и падало на блестящий, вылощенный пол.

– Канарейки, кофе и цветы, – больше, слава Богу, у моей жены нет забот... – повторял счастливый почтмейстер.

Избалованная Дарья Ильинична мило улыбалась мужу, немножко прищурив глаза, – а сын Речновых, – Виктор Александрович – красивый молодой человек, в пенсне, с чёрненькими усиками, – любезно подвигал ко мне разнообразное печенье. Этот молодой человек был скромн и даже застенчив.

Как-то раз почтмейстер предложил мне послушать, как играет механическая цитра, которую он недавно приобрёл. И подсев к небольшому лакированному ящику, он стал бережно вертеть ручку, с видом удовольствия на лице, слушая механическую музыку и поглядывая на меня с гордостью обладателя эдакого прелестного инструмента.

Иногда милая, пустая, бессодержательная, благодушная беседа за кофе у Речновых прерывалась появлением состоявшего при особе почтмейстера старшего почтальона Филёва с докладом о том, что: «Митяев не явился на службу, – кем прикажете заместить?..» Или: «Кособоков ещё крыши не докрасил, а уже просит, чтобы счёт подписать»... Филёв обращался с докладом не к Александру Сергеевичу, а к Дарье Ильиничне и в то время, как муж задумывался и смотрел на неё вопросительно, – она сейчас же ориентировалась в подобных служебных вопросах и тут же произносила; резолюцию: «Пусть Митяеву напишут в канцелярии, – чтобы он бросил своё безобразие, – а то об его поведении начальнику округа будет сообщено»...

– Помилуйте, – каждый месяц человек запивает, – обращалась Дарья Ильинична уже ко мне, как бы для того, чтобы я не осудил её за такую строгость.

– Кособокову скажите, чтобы докрасил сначала крышу, – да ещё водосточный чан пусть выкрасит – а потом и счёт подпишут...

Заметив, что всё уже решено, как нельзя лучше, Александр Сергеевич поднимал голову, – смотрел строго на старшего почтальона Филёва и говорил внушительно:

– Да, да... Так и сделать: Митяеву написать, как приказано... и Кособокову... объявить!..

Филёв уходил, и благодушная беседа за кофе продолжалась. Говорили о городских сплетнях; Дарья Ильинична, как бы по секрету, вполголоса, сообщала мне, что Александр Сергеевич встретил вчера в колониальном магазине дочь губернатора, – она покупала сыр, – и, представьте: – всего только один фунт!.. Тут же Александр Сергеевич сообщал, уже больше относясь к жене, – что нового вычитал в почтово-телеграфном журнале, говорил о новых циркулярах и распоряжениях по службе, и также о всех новых изобретениях по электротехнике, которые описывались в том же самом журнале. Он видимо не прочь был показать, как добросовестно и внимательно читает свой служебный журнал, но сейчас же признавался:

– Читаю, стараюсь запоминать, но потом скоро и забуду всё... А вот Дарья Ильинична моя, никогда наш журнал сама не читает: «Нашёл, – говорит, – роман какой»... А только послушает, что я вычитал, – и сейчас же запомнит, да так уж и помнит постоянно... Прекраснейшая у ней память!..

Дарья Ильинична скромно улыбалась, чуть-чуть прищутив глаза с тёмными ресницами, так осторожно подкрашенными, что это было почти незаметно, и смотрела на клетки с канарейками, как будто её больше в эту минуту занимало пение жёлтых птичек, чем комплименты мужа.

Дарье Ильиничне доставляло большое удовольствие рассказывать о её дочери. Она приносила альбом и показывала карточки своей дочери Анны Александровны, красивой молоденькой дамы с невероятной причёской. Также показывала и карточки её мужа, Павла Павловича, военного капельмейстера.

Как-то я попал к Речновым в тот день, когда получилось письмо от их дочери. Дарья Ильинична читала мне выдержки из этого письма. Там описывала Анна Александровна, какой успех имела на балу. Она была одета с таким вкусом, что все ею интересовались, – офицеры за нею ухаживали, она много танцевала.

– Прехорошенькая ведь она, – вставила своё замечание Дарья Ильинична.

Затем Анна Александровна писала, что даже сам губернатор пожелал, чтобы она ему была представлена, и очень любезно с ней разговаривал. Наговорил комплиментов не только ей собственно, а даже и по адресу мужа: его превосходительству понравилось, как играл оркестр: «Прекрасный капельмейстер»... – сказал его превосходительство.

И старики Речновы были счастливы вниманием губернатора к их дочери и её мужу.

В новый год около полудня вышел я на мою обыкновенную прогулку. Вернувшись домой, я нашёл карточки Александра Сергеевича и Виктора Александровича Речновых. Пришлось отправиться к Речновым. У них на этот раз я встретился с их дочерью и зятем, которые приехали погостить. Почтмейстера и его сына не было дома, – они всё ещё ездили с визитами. Дарья

Ильинична принимала. Она познакомила меня с дочерью Анной Александровной, маленькой, красивой дамочкой с большими чёрными глазами и зятем Павлом Павловичем, в форме военного капельмейстера, румяным господином с таким юношеским лицом, что на нём казались странными усы и бородка. Анна Александровна курила, и это к ней не шло. Павел Павлович тоже курил, и это делало его более солидным. Он говорил громко, с преувеличенной самоуверенностью; иногда в разговоре наивно затрагивал он такие обстоятельства семейной жизни, от которых дамы краснели. Анна Александровна серьёзно и многозначительно взглядывала на мужа каждый раз, когда он «завирался». Павел Павлович, поймав такой взгляд жены, немного конфузился и начинал говорить, обдумывая и с осторожностью. Но скоро он опять болтал, не смущаясь. Павел Павлович, в отсутствие тестя, долгом своим считал играть роль хозяина: он угощал всех и со всеми чокался. Только один приходский священник, отец Иона, долго отказывался от угощения у стола с закусками и вином и довольствовался стаканом кофе. Отец Иона, благообразный старичок с ласковым взглядом и тоненьким голоском, беседовал с Дарьей Ильиничной о том, как посчастливилось ему в консистории изобличить лжесвидетелей по бракоразводному делу. Дарья Ильинична приходила в ужас от того, что бывают люди, которые дурно живут в супружестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.